

УДК 82.091

Закирченко К. Л.,

Филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: д-р филол. наук, доц. Э. И. Коптева

Трансформация образа поэта в ранней лирике К. Н. Батюшкова

Аннотация. В статье рассматривается трансформация образа поэта в ранней лирике К. Н. Батюшкова в контексте традиции М. Н. Муравьева. Анализируется, как под влиянием сентиментализма и «легкой поэзии» Муравьева происходит формирование нового типа лирического героя, отказывающегося от гражданского пафоса классицизма в пользу «маленькой философии» эпикуреизма. Особое внимание уделяется категории «мечты» как инструменту преобразования реальности, а также образам «хижины» и дружеского круга, которые становятся ключевыми для поэтики предромантизма. Делается вывод, что созданный Батюшковым образ поэта-мечтателя и «ленивого мудреца» стал связующим звеном между поэзией XVIII в. и русским романтизмом.

Ключевые слова: К. Н. Батюшков, М. Н. Муравьев, образ поэта, ранняя лирика, сентиментализм, эпикуреизм, предромантизм.

Конец XVIII в. представляет собой переломный момент в истории русской литературы. На смену классицизму с его культом разума и гражданского долга приходит сентиментализм, сосредоточенный на чувстве и частной жизни человека. У истоков этого процесса стоит фигура М. Н. Муравьева, последователя русского сентиментализма, основоположника «легкой поэзии» и учителя следующего поколения поэтов, включая К. Н. Батюшкова.

М. Н. Муравьев одним из первых переносит акцент с внешнего мира на внутренний. Обращаясь к вечным философским темам, он пропускает их через личное переживание: «Во времени одну занять мы можем точку. // Минута, кою жил, длинная году сна. // <...> / Мгновенье каждое имеет цвет особый, / От состояния сердечна занятой //» [3, с. 137]. Исследователи справедливо отмечают, что Муравьев воплощает «в элегиях свое индивидуальное, неповторимое ощущение и видение мира, вводя в произведения лирические раздумья о своей судьбе, о своем назначении как поэта» [4, с. 134]. И чтобы лучше раскрыть состояние души поэта, Муравьев обращается к античности как к миру гармоничных человеческих чувств. Переводя Горация и Вергилия, он ищет в них близкие себе мотивы: уединение на лоне природы, дружеское общение, тихие радости частной жизни. Муравьев закладывает идейные основы для нового типа лири-

ческого героя, создавая образ идеального дружеского круга: «О пиршества богов! я вами не прельщаюсь, / Коль в хижине моей с друзьями насыщаюсь, / Вспомоществуемый усердием слуг моих / (И добрый господин не забывает их). // Не знает никаких чинов беседа наша, / И ходит вокруг стола общественная чаша / Без принуждения и частых перекоп //» [3, с. 266]. Однако герой Муравьева лишь мечтает о такой жизни, находясь «в неволе общества». Его интонация — вопросительная и желательная: «...вздыхая, говорю». «Хижина» остается для него предметом томления [5, с. 137–139].

Батюшков идет дальше своего учителя: он создает целостный, узнаваемый образ поэта. В раннем творчестве, до 1812 г., он формирует свою знаменитую «маленькую философию» — гуманный эпикуреизм, философию личного счастья как ответ на потрясения эпохи. Как указывает Н. Т. Костырь, «две черты характеризуют поэтическую индивидуальность Батюшкова: вечная юность души и земное или постоянное стремление к земному, внешнему, чувственному, которым неизменно характеризуется юность» [2, с. 51].

В послании «Мои пенаты» (1811) этот покой уже не мыслится, а обретен и детально обустроен. Герой предстает как «ленивый мудрец», сознательно создающий вокруг себя идеальное пространство:

Отечески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам [1, с. 260].

Если Муравьев показал, что «хижина» может быть предметом поэзии не менее достойным, чем дворцы, то Батюшков сделал следующий шаг: его герой поселился в этой хижине, наполнил ее вещами и друзьями. Как замечает И. М. Семенко, этот герой предстает как «античный персонаж, воскуряющий фимиам пред алтарем домашних богов» [1, с. 447]. Главное отличие батюшковского героя — его способность к мечте. В программной элегии «Мечта» (1803) он пишет: «Мечтание — душа поэтов и стихов» [1, с. 254]. Если у Муравьева поэт — созерцатель, то у Батюшкова поэт — преобразователь реальности силой воображения,

погружающий своего героя в условный мир античности, которая становится для Батюшкова идеалом гармонических взаимоотношений между человеком и миром. В таком мире мечта позволяет ему быть счастливым вопреки обстоятельствам, мечтание как акт творчества становится способом путешествия сквозь эпохи, лирическое «Я» в элегии способно охватить широкий временной пласт истории, свободно перемещаясь сквозь пространства мировой культуры: от условной античности и средневековья до современности.

К. Н. Батюшков трансформировал ключевые лейтмотивы лирики М. Н. Муравьева: образ «хижины» как идеального пространства, мотив дружеского круга, отказ от иерархии чинов, культ «мечтания». Он превратил эти мотивы в целостный образ жизни. Его поэт — мудрец, создающий свой мир из «рухлой скудели» с помощью воображения. Такой образ поэта-мечтателя, «философа-ленивца», счастливого в своей «хижине», становится отправной точкой для эволюции лирического героя в период развития романтизма в России.

1. Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / вступ. статья, ред. и коммент. И. М. Семенко. — М. : Наука, 1977. — 607 с.

2. Костырь Н. Батюшков, Жуковский и Пушкин // Русские поэты XIX века. Т. 1. — Харьков, 1853. — 166 с.

3. Муравьев М. Н. Стихотворения. — Л. : Сов. писатель, 1967. — 387 с.

4. Пашуров А. Н. Русская элегия XVIII — начала XIX века Г. Р. Державин, М. Н. Муравьев // Г. Р. Державин и русская литература. — М. : Ин-т мир. лит. Рос. акад. наук, 2007. — С. 129–138.

5. Прокопьева Л. Б. Философско-нравственная концепция жизни человека в переводах М. Н. Муравьева (Гоций. Сатиры, II, 6) // Классическая филология в Сибири : материалы VI Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и регионального научно-методического совета по классической филологии. — Томск, 2008. — С. 134–153.